

— Ничего, не входите! — быстро ответил Сяо Цянь, его голос был хриплым и слегка прерывистым.

Линь Лин с недоумением взглянула на окна Зала Сунъян, постояла у двери в нерешительности, затем спустилась на две ступеньки и вернулась на своё место у входа.

— Ты действительно жесток.

Сяо Цянь вытер лицо, усыпанное осколками чайных листьев и каплями воды, поднялся, взял руку Фан Минцзюэ, из которой сочилась кровь после разбитой чашки, наложил мазь и проворчал:

— Оскорбление императора, а я всего лишь руку тебе перевязал.

Фан Минцзюэ пошевелил туго забинтованной ладонью и бесстрастно произнёс:

— За оскорбление императорского величества я мог бы и голову твою отрубить.

— Разве Ваше Величество смог бы со мной расстаться? — поддразнил Сяо Цянь.

Фан Минцзюэ скользнул по нему взглядом и с усмешкой сказал:

— Без таланта и без красоты? Конечно, смог бы.

— Ваше Величество, вчера ночью в постели ты говорил совсем иное. Видимо, императоры и впрямь бессердечны.

Сяо Цянь с притворным сожалением вздохнул, прошёлся по залу и наконец остановился у низкого столика у окна.

Если бы не приличия, Фан Минцзюэ бы точно показал ему глазами.

У столика Сяо Цянь вылил остывший чай в курильницу, чтобы погасить оставшиеся благовония. Лёгкий дымок поднялся в воздух. Он поднёс курильницу к носу, вдохнул, и при тусклом свете свечей его красивые глаза слегка покраснели.

— Это благовоние, — хрипло произнёс он.

Подойдя к окну, он распахнул створку резной красной рамы, на которой отражались смутные тени деревьев. Прохладный ночной ветерок ворвался в комнату, развеивая густой, дурманящий аромат сандалового дерева и принося с собой свежий, бодрящий запах сирени.

— Евнуха, что привёл меня сюда сегодня ночью, я уже казнил, — Сяо Цянь снова уселся на край кровати. — Но даже если бы это было между нами... ничего страшного, ведь мы император и императрица, всё законно.

Он говорил с усмешкой, но в душе чувствовал странное беспокойство. Ему было чуть больше двадцати, он был полон сил, но даже не прикасался к женщинам. Неужели он и вправду гомосексуалист? От одной этой мысли его передёрнуло.

Однако, взглянув на изящное лицо Фан Минцзюэ, он вдруг почувствовал лёгкое волнение... Тьфу, наверное, это всё ещё эффект того зелья!

Сяо Цянь слегка кашлянул, чтобы скрыть смущение.

Фан Минцзюэ с удивлением посмотрел на него, и у Сяо Цянь возникло ощущение, будто его считают дураком.

— Ты думаешь, это было подготовлено для тебя?

Сяо Цянь на мгновение замер:

— Что ты имеешь в виду?

Уголки губ Фан Минцзюэ приподнялись:

— После того как ты вошёл во дворец, ты практически не покидал Дворец Фэнъи и не знаешь дорог. Если бы сегодня ночью тебя повели окольными путями и ты бы вошёл сюда, увидев меня в компании мужчин и женщин, и начал бы кричать, моя репутация распутного императора была бы подтверждена. А ты, увидев такое, разве бы успокоился? Последствий было бы много, не только двойная выгода. Но сейчас, когда ты здесь, они, конечно, не пришлют своих людей.

Сяо Цянь молча посидел, затем вдруг залез под одеяло, лёг и закрыл глаза.

— Ты...

— Поговорим утром. Сейчас спать.

Фан Минцзюэ: ...

На рассвете, когда лунный свет ещё не рассеялся, в двери Зала Сунъян постучали.

— Ваше Величество, госпожа императрица, пора на аудиенцию, — раздался голос Линь Лин.

Затем послышался пронзительный голос евнуха:

— Госпожа императрица? Госпожа императрица здесь? Это нарушает правила, так нельзя...

Дверь с грохотом распахнулась.

Сяо Цянь, который только что заснул, был разбужен и едва не схватил со стены меч императорской власти, чтобы кого-нибудь прикончить. Накинув верхнюю одежду, он бросил холодный, пронизывающий взгляд на низкорослого толстого евнуха на ступеньках. Его глаза сверкали, как отточенные лезвия.

— Нарушает правила? — он холодно усмехнулся. — Император и императрица спят вместе — это естественно и правильно. Какие тут могут быть правила? Объясни-ка мне!

— Э-это... это... — Доу Нин дрожал от страха, не зная, что ответить, пот катился по его лицу.

Сяо Цянь с десяти лет был на поле боя, он действительно выжил среди трупов. Его взгляд мог напугать до смерти вражеского генерала, что уж говорить о евнухе, который всю жизнь провёл в глуши маленького государства, не видел настоящих бурь?

— Скажи министрам, что император вчера простудился, сегодня аудиенция отменяется. Пусть все доклады принесут в Зал Сунъян, — холодно приказал Сяо Цянь.

— Госпожа императрица, это не соответствует...

Доу Нин был прерван усмешкой Сяо Цянь:

— Значит, в этом дворце правила важнее императора? Не знаю, какое это правило Наньюэ или завет предков?

Последние слова были произнесены с особым акцентом, и у Доу Нина ёкнуло сердце. Он понял, что это дело не для него, маленького евнуха.

— Слуга... слуга сейчас пойдёт.

Закрыв дверь и вернувшись в зал, Сяо Цянь с сожалением осознал, что вчерашний сон был плохим, и решил ускорить план по наведению порядка во дворце, чтобы в будущем избежать таких ночей. Иначе он не сможет гарантировать, что не разнесёт этот дворец.

За ширмой Фан Минцзюэ уже проснулся, лежал на кровати и смотрел на него. Сяо Цянь сел на край кровати, налил себе холодного чая, выпил и с улыбкой посмотрел на Фан Минцзюэ:

— Что ты на меня смотришь? Ты в таком состоянии, а ещё хочешь на аудиенцию? Не хочу тебя обижать, но какая разница, будешь ты императором или нет? В этом мире что ты вообще можешь решить?

В зале воцарилась гнетущая тишина.

Сяо Цянь понимал, что его слова были слишком резкими, но если даже этого нельзя признать, то Фан Минцзюэ уже не спасти. Лучше потратить силы на сотрудничество с хитрым и амбициозным Великим наставником Чаном, чем на безнадёжное дело.

Ресницы Фан Минцзюэ дрогнули, он опустил глаза. Его голос был тихим и бесстрастным:

— Действительно, ничего я не могу решить.

Он замолчал, затем снова открыл глаза:

— Но трон, по крайней мере, всё ещё в моих руках.

Сяо Цянь заметил, что он больше не называет себя «Мы», и, поставив чашку, усмехнулся:

— Видимо, ты тоже не хочешь быть марионеточным императором.

Фан Минцзюэ улыбнулся, его лицо оставалось холодным:

— Тебе не нужно больше испытывать меня от имени Ян Цзиня. Я предпочту остаться марионеткой, но не стану заключать с ним предательские сделки.

— Ян Цзинь? — Сяо Цянь нахмурился. — Какое отношение имеет этот подлый тип ко всему этому?

Фан Минцзюэ с насмешкой улыбнулся:

— Неужели ты так быстро забыл? Кто говорил, что вошёл во дворец, чтобы стать пешкой Ян Цзиня и контролировать меня? Кто говорил, что влюблён в Ян Цзиня без памяти и готов сделать для него всё, что угодно, и в конце концов отправит мою голову ему?

Сяо Цянь широко раскрыл глаза от изумления.

Неужели прежний владелец этого тела, Сяо Ци, был связан с Ян Цзинем?! Сяо Цянь схватился за лоб, вены на висках пульсировали.

Он не испытывал к Ян Цзиню лютой ненависти, но и дружбы между ними не было. Когда он ещё был генералом Великой Цзинь, Ян Цзинь подошёл к нему с предложением перейти на его сторону. Сяо Цянь знал, что Ян Цзинь был выдвинут Наньюэ, но оказался предателем. Такой человек мог укунить прежнего хозяина, а значит, мог предать и нынешнего. Поэтому Сяо Цянь всегда отказывался принимать его предложение.

Но Чжу Кунь не обращал на это внимания. Он считал, что сможет управлять Ян Цзинем, и согласился. А когда Сяо Цянь умирал, Ян Цзинь стоял рядом и с насмешкой улыбался. Очевидно, он не только создавал ему проблемы на поле боя, но и подставлял его.

В общем, Сяо Цянь был готов нанести Ян Цзиню два удара вместо одного. Теперь Фан Минцзюэ говорил, что это тело, возможно, было связано с Ян Цзинем. От одной мысли об этом его тошнило.

— Хватит твоих уловок, — Сяо Цянь с раздражением потер лоб. — У меня нет никаких связей с Ян Цзинем, всё, что я говорил раньше, было ложью. В будущем, если ты захочешь, я помогу тебе изо всех сил.

Фан Минцзюэ странно посмотрел на него, затем снова опустил глаза и замолчал.

— Что? — Сяо Цянь чувствовал, что мысли императора слишком сложны для понимания. Вчерашние разговоры о заговорах уже порядком утомили его.

— Я всего лишь марионеточный император, у меня ничего нет, — вдруг сказал Фан Минцзюэ. — Чан Юйлу, Ян Цзинь — они контролируют двор. Тебе стоит присоединиться к ним, а не ко мне.

Сяо Цянь рассмеялся:

— Ты же сам сказал, что у тебя есть трон. А что есть у меня? Я беднее тебя. Кто захочет принять меня?

Фан Минцзюэ кивнул, глубоко соглашаясь:

— Верно. Ян Цзинь, кажется, тебя недолюбливает.

— А я его люблю? — усмехнулся Сяо Цянь.

— Тогда как мы, два человека без ничего, вернём Наньюэ? — тихо спросил Фан Минцзюэ, опустив глаза.

Сяо Цянь вдруг сбросил сапоги, вскочил на кровать и навалился на Фан Минцзюэ, осторожно избегая его раны. Их лица оказались вплотную, и он, смотря сверху вниз, слегка прищурился:

— Продолжай притворяться.